

С.И. Лучицкая

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ГЛАЗАМИ РУССКОГО СОВРЕМЕННОКА

Четвертый поход крестоносцев (1202–1204), в результате которого был захвачен и разграблен Константинополь, – событие, которое имело решающее значение в средневековой истории. О нем подробно рассказывают современные западные и византийские историки, откликнулись на него и русские летописцы¹. Несомненно, завоевание Константинополя латинянами должно было произвести на православных жителей Древней Руси удручающее впечатление. В том, что гибель Византии была весьма остро воспринята в древнерусском обществе, не сомневался, пожалуй, никто из историков. Еще в 1818 г. Н.М. Карамзин писал: “В княжение Всеволода был завоеван Крестоносцами Царьград: происшествие важное и горестное для тогдашних Россиян, тесно связанных с Греками по Вере и торговле!”² Ф.И. Успенскому, изучавшему эти события, принадлежат следующие строки: “Горе греков, поругание их святынь отозвалось по всему православному Востоку, включая и Русь, залегло глубоко, оставив глубокий след в душе греческого народа”³. Позже Д. Оболенский полагал, что в Византии, как и в Древней Руси, “долго сохранялось горестное чувство обиды на варваров 4-го крестового похода, которые под предлогом своего продвижения на Восток, взяли штурмом и ограбили византийскую столицу”⁴. В том, что взятие Константинополя было воспринято русским обществом как катастрофа, не сомневался и Д.С. Лихачев: “Когда в 1204 году крестоносцы захватили и разграбили Константинополь, это событие глубоко потрясло Русь”⁵. Действительно, если вспомнить о тесных связях Руси и Византии, не только торговых и дипломатических, но и в вопросах религии и культуры⁶, то станет ясно, насколько значимым для древнерусского культурного сознания, видимо, было это событие.

Вспомним, сколь важное место занимал Царьград – город городов – и в воображении древнерусских людей. Он рассматривался как вечный город христианского мира, своего рода *urbs orbis, urbs aeterna*. Вслед за византийцами русские рассматривали Константинополь не только как “Новый Рим”, но

¹ Самый ранний рассказ о событиях содержится в синодальном списке Новгородской первой летописи. См.: Новгородская летопись старшего и младшего извода / Изд. А.Н. Насонов. Л., 1950. Стб. 46–49.

² Карамзин Н.М. История государства российского. Т. II–III. М., 1991. С. 431.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Восточный вопрос. М., 1997 (1-е изд. 1909). С. 322.

⁴ *Obolensky D.* Russia's Byzantine Heritage // Oxford Slavonic Papers / Ed. by S. Kononov. Vol. 1. Oxford, 1950. P. 63.

⁵ Лихачев Д.С. Литература эпохи “Слова о полку Игореве” // Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980. С. 14.

⁶ Как образно писал Д. Оболенский, Византия дала Руси пять даров: свою религию, свое право, свой взгляд на мир, свое искусство и свою письменность (*Obolensky D.* Op. cit. P. 42).

и как “Новый Иерусалим”, или “Второй Иерусалим”⁷. Ведь византийская столица была для них не только политическим, но и церковным центром мира, т.е. “Новым Иерусалимом” (Откр. 21:1–2), перенявшим у “ветхого” Иерусалима функцию спасения человечества, столицей православия⁸. Само имя города – Царьград – означало не просто местопребывание императора (“царя”), но и могло быть истолковано как “Город Христа”⁹. О восприятии русскими Константинополя можно судить по сочинению митрополита Киевского Илариона – “Слове о законе и благодати” (1037–1050), в котором “Константин град” прямо назван “Новым Иерусалимом”, из которого князь Владимир “с бабою своею Ольгою” принесли в Киев фрагменты Честного Креста подобно тому, как Константин Великий с матерью своей Еленой принесли крест из Иерусалима¹⁰. Представление о Царьграде как центре мира, образе “Обетованной земли” Царства Небесного, “Иерусалима Нового” получало развитие и воплощение в зримых архитектурных образах: так, например, прототипом Золотых ворот в Константинополе послужили Золотые ворота Иерусалима, через которые Христос совершил свой торжественный вход в Иерусалим. Русские хорошо знали эту символику и применяли ее к своим городам, претендовавшим на роль столиц. Им также не чуждо было представление о Русской земле как образе “Обетованной земли” Царства небесного, “Иерусалима нового”. Так, Золотые ворота Киева в древнерусском сознании имели своим прообразом Константинополь, а через его посредство и Иерусалим¹¹. Благодаря подражанию Константинополю русские столицы искони приобретали двойное значение – как церковные центры и как политические. В них создавались два “образа” – иерусалимский и римский. Таким образом, со времен крещения связь Руси со Святой Землей, а столичных русских городов – с Иерусалимом, осуществлялась через Константинополь.

Церковь древней Руси была тесно связана с Византией: русские митрополиты назначались в Константинополе, да и сами происходили из греков. После собора 1054 г. антилатинская полемическая литература получила широкое распространение в Древней Руси¹². Наиболее известными текстами

⁷ Об этом говорится, например, в письме патриарха Фотия. См.: Фотия святейшего архиепископа Константинопольского о Гробе Господа нашего Иисуса Христа и другие малые его творения на греческом и армянском языках / Изд. А.И. Пападопуло-Керамевс // Православный палестинский сборник. СПб, 1892. Т. 11. Вып. 1. С. 231–235. Константинополь, “который есть второй Иерусалим, построенный вторым Давидом, т.е. святым Константином” (Там же. С. 232).

⁸ Об этом см.: *Лебедев Л., протоиер.* Богословие Русской земли // *Он же.* Москва патриаршая. М., 1995. С. 285–333.

⁹ Об этом см.: *Данилевский И.Н.* Мог ли Киев быть новым Иерусалимом? // *Одиссей.* М., 1998. Вып. 10. С. 134.

¹⁰ *Иларион.* Слово о законе и благодати / Изд. А.А. Молдован. Киев, 1981. С. 197. Крещение Руси тем самым уподоблялось обращению империи, а Киев – Царьграду: *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 200.

¹¹ Не случайно киевский митрополит Иларион сравнивал Ярослава Мудрого с Соломоном: ведь Ярослав сделал в Киеве то же, что Соломон в Иерусалиме: построил новые крепостные стены с величественным храмом (Софийский собор). Следовательно, Золотые ворота в сознании русских имели своим прототипом не только Константинополь, но и Иерусалим. *Лебедев Л., протоиер.* Указ. соч. С. 288.

¹² См. об этом: *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 276.

были послание Михаила Керулария к антиохийцам и сочинение “О фрязах и прочих латинян”¹³.

Многие факты говорят об огромном влиянии Византии, которое, однако, вовсе не исключало интенсивное культурное взаимодействие Древней Руси с Западом¹⁴. Примечательно, что вскоре после избрания правителя Латинской империи Иннокентий III, лелеявший несбыточную мечту объединить западную и восточную церкви, обратился в письме к русскому духовенству с призывом подчиниться римской церкви: “Хотя до сих пор вы, словно неродные сыны, были удалены от груди нашей матери, мы, исполняя данную от Бога, может быть и незаслуженно, папскую обязанность просвещать свой народ, не можем пренебречь отцовскими чувствами и не побуждать вас разумными увещаниями, как голова управляет другими членами тела, как Эфраим обратился к Иуде и Самария к Иерусалиму”¹⁵. Иннокентий III предлагал русским епископам признать верховную власть над собой, так как Византия, которой они ранее подчинялись, более не существовала: “Как умолчим о том сейчас, когда греческая империя и почти все церкви обратились к вере апостольской и смиренно покорились ей и повинуются; кажется невозможным, чтобы часть не соглашалась с целым и частное противоречило общему”¹⁶. Он даже назначил легата апостольского престола в Россию¹⁷. Но, как известно, Древняя Русь никак не отозвалась на папские увещания римского понтифика.

Какую реакцию древнерусских летописцев на события 1204 г. следует ожидать в свете всех выше изложенных фактов? Насколько оригинальной и самобытной была их трактовка событий, в какой степени отличалась от интерпретаций византийских и западных историков? Как воспринимали гибель православной империи и ее подчинение католикам русские современники?

Хорошо известно, что главный вопрос, на который хотели ответить уже современники событий, а затем изучавшие историю Четвертого крестового похода ученые, заключался в следующем: как случилось, что христиане напали на христиан, каким образом стало возможным отклонение крестнос-

¹³ Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; см. также: *Неборский М.Ю.* Антилатинская полемика на Руси до Флорентийского собора (по материалам Кормчих книг). Автореф. дис. к.и.н. М., 1994 и *Бибицков М.В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.

¹⁴ Вместе с тем Византия, как отмечал Д. Оболенский, не столько воздвигла стену между Россией и Западом, сколько оказалась воротами России в Европу. *Obolensky D.* Op. cit. P. 61. См. о тесных связях древней Руси и Западной Европы: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

¹⁵ Innocentii III romani pontificis Opera omnia: “Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestrae, tanquam filii alieni, nos tamen, qui sumus in officio pastorali a Deo, licet immeriti, constituti ad dandam scientiam plebi suae, non possemus affectus paternos exuere, qui vos sanis exhortationibus et doctrinis studeamus tanquam membra vestro capiti conformare, ut Ephraim convertatur ad Judam, et ad Jerusalem Samaria revertatur...” (PL. T. CXXV. Cos. 1232–1233).

¹⁶ “Ut autem ad praesens de reliquis taceamus, cum Graecorum imperium et Ecclesia pene tota ad devotionem apostolicae sedis redieret, et ejus humiliter mandata suscipiat et obediat jussioni, nonne absolum esse videtur ut pars toti suo non congruat, et singularitas a suo discrepet universo?” (Ibid. Col. 1234).

¹⁷ “...filium nostrum G. ... presbyterum cardinalem... ad partes vestras duximus destinandum...” (Ibid. Col. 1234).

цев от первоначальной цели, которая состояла в том, чтобы освободить Иерусалим и Святую Землю из рук неверных, т.е. из-под власти египетского султана? Какие политические силы и обстоятельства сыграли главную роль в этом, как писал П. Риан, “великом конфликте честолюбий”?

Уже в XIX в. историки, основываясь на анализе сведений средневековых современников, создавали различные интерпретации событий Четвертого крестового похода и были склонны приписывать главную роль в отклонении от первоначальной цели то Венеции, то Штауфенам или папе Иннокентию III, стремившемуся во что бы то ни стало объединить греческую и латинскую церкви, а то и вовсе объяснять произошедшее стечением случайных обстоятельств¹⁸. Какой же версии ближе всего древнерусские авторы?

Как мне представляется, чтобы ответить на вопрос о специфике восприятия русскими Четвертого крестового похода, необходимо рассмотреть сведения древнерусских источников в западноевропейском контексте. Для этого придется, пусть кратко и схематично, обсудить, как сначала в источниках, а затем в историографии трактовались события 1204 г., т.е. изучить, так сказать, “образ” Четвертого крестового похода в западной исторической традиции, а затем, уже исходя из этого контекста, посмотреть на древнерусские памятники. Полагаю, если рассмотреть сведения древнерусских источников в западноевропейском контексте, то картина событий 1204 г. станет более рельефной.

Итак, вначале попытаемся посмотреть на Четвертый крестовый поход глазами западных хронистов и историков. Как известно, современники событий стремились оправдать действия крестоносцев и изобразить разгром византийской столицы как цепь случайных факторов. Именно так Жоффруа Виллардуэн, знатный шампанский сеньор, описал происходившее в своем сочинении “Взятие Константинополя”¹⁹. Позже его версия событий стала называться “теорией случайностей” (*théorie du hasard*). И для другого современника событий Робера де Клари²⁰, автора сочинения “Завоевание Константинополя”, причина отклонения от первоначальной цели – игра случая, сцепление различных обстоятельств: смерть Тибо Шампанского, необходимость захвата Задара с целью расплатиться с венецианским дожем за корабли, коварная политика греков, чередование успехов и неудач крестоносцев и пр. Как цепь случайных обстоятельств изображается событие и у эльзасца Гунтера Пэрисского²¹. Так вслед за современниками объясняли неожиданный поворот в ходе крестоносной экспедиции и многие историки в середине XIX в.²²

¹⁸ Обзор этих мнений лучше всего изложен в следующих очерках: *Queller D.E., Setton S.J. A Century of Controversy on the 4th Crusade // Studies in Medieval and Renaissance History / Ed. W.M. Bowsky. Lincoln, 1969. Vol. VI. P. 235–277; Митрофанов П. Изменения в направлении 4-го крестового похода // ВВ. 1897. Т. 4. С. 461–523; см. также: Успенский Ф.И. Четвертый крестовый поход // Он же. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001. С. 387–416.*

¹⁹ *Geoffroy de Villehardouin. La conquête de Constantinople / Ed. N. de Wailly. P., 1872.*

²⁰ *Robert de Clari. La conquête de Constantinople / Ed. Ph. Lauer. P., 1924.*

²¹ *Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana seu de urbis Constantinopolitanae expugnatione // Exuviae sacrae Constantinopolitane. T. I. Genava, 1877. P. 57–126.*

²² *Queller D.E., Setton S.J. Op. cit. P. 235–277.*

Начиная с 70-х годов XIX в. над “теорией случайностей” возобладала “теория венецианской измены”, приписывавшей вину в разгроме Константинополя венецианскому дожу Энрико Дандоло. Именно он изображался как главный актер *regum* в событиях 1204 г., и именно под этим углом зрения интерпретировались средневековые источники. Сторонники этой интерпретации ссылались на противоречия между Венецией и Византией, о которых нередко рассказывали средневековые писатели (например, Гунтер Пэриский). Излюбленный аргумент адептов этой теории заключался в том, что торговые интересы венецианцев чаще всего оказывались сильнее их религиозных чувств. Так, немецкий историк В. Гейд полагал, что хотя инициатором девиации был Бонифаций Монферратский, но истинным вождем похода был Энрико Дандоло, руководствовавшийся единственным мотивом – защитой торговых интересов Венеции²³. Наиболее последовательно эта точка зрения была представлена в монографии Л. Мас-Латри, ссылавшегося на сведения, в частности французского хрониста Эрнуля, о том, что дож вступил в тайный сговор с Египтом и обязывался задержать крестоносцев в обмен на торговые льготы в Александрии и крупные денежные суммы²⁴. Теории “венецианской измены” придерживался и Г. Аното, показавший при этом ошибочность интерпретации предшественниками хроники Эрнуля²⁵. В наше время “теория венецианской измены” подверглась острой критике со стороны американского историка Д. Квеллера и его ученика Ф. Мэддена: они настаивают на том, что Венеция отнюдь не стремилась к тому, чтобы переориентировать крестоносцев с Египта на Константинополь и вовсе не преследовала цель взять византийскую столицу²⁶.

Не менее авторитетной была и так называемая теория швабской измены, согласно которой роль главной движущей силы в изменении цели крестового похода приписывали Штауфенам. Эта теория, самым последовательным защитником которой был Поль Риан²⁷, объясняла изменение направления похода политикой германского короля Филиппа Швабского. Именно при его дворе, считали сторонники “теории швабской измены”, возникла мысль воспользоваться предстоящим крестовым походом в пользу династии Ангелов. Хорошо известно, что в качестве наследников норманнского королевства в Южной Италии и Сицилии Штауфены были всегда соперниками Византии. И в то же время они стремились препятствовать сбли-

²³ Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Age. Vol. 1. Leipzig, 1885. P. 265; Та же точка зрения изложена в монографии Л. Штрейта: *Streit L. Venedig und die Wendung des 4. Kreuzzuges gegen Konstantinopel*. Anklam, 1877.

²⁴ *Mas-Latrie L. de*. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. T. 2. P., 1861. P. 161–163.

²⁵ Как доказал Г. Аното, привилегии венецианцам были на самом деле даны Египтом намного позже. *Hanoteaux G.* Les Venitiens ont-ils trahi les Chrétiens en 1202? // *Revue historique*. P., 1877. T. 4. P. 74–102. С его точки зрения, мотивы поведения Венеции были несколько иными: это месть пизанцам, которым Алексей Комнин предоставил широкие права, необходимость подавления мятежа в Задаре, а также тайные надежды извлечь для себя выгоду из раздела Константинополя.

²⁶ См.: *Madden Ph., Queller D.* Some Further Arguments in Defence of Venetians on the Fourth Crusade // *Byzantion*. 1992. T. 52. P. 433–473.

²⁷ *Riant P.* Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat // *Revue des Questions Historiques*. 1875. T. XVII. P. 321–375; T. XVIII. P. 5–75. Еще ранее эту точку зрения отстаивал Г. Винкельманн: *Winkelmann E.* Philipp von Schwaben und Otto von Braunschweig. Bd. 2. Leipzig, 1873–1878.

жению между греческой империей и другим своим противником – папой римским. Для осуществления этих интересов был найден ловкий агент – Бонифаций Монферратский, который служил, согласно предположению П. Риана, посредником между папой и германским королем. Разногласия между венецианцами и крестоносцами дали Бонифацию отличную возможность для отклонения от первоначальной цели похода.

Наконец, согласно, пожалуй, наиболее авторитетному мнению, ход событий следует рассматривать в контексте ухудшения отношений между католическим Западом и православным Востоком, между Византией и Западной Европой. Негативное отношение к Византии подогревалось то норманнскими рыцарями, то Штауфенами; а во время Второго крестового похода французские крестоносцы, изнуренные пустыми обещаниями византийского императора, предлагали отомстить византийцам²⁸. Таким образом, конфликт между Западом и Востоком оказался неизбежным. Подобная точка зрения представлена прежде всего в монографии В. Нордена, которая оказала влияние на многих историков²⁹. В русской историографии сходных взглядов придерживался Ф.И. Успенский. Для него события 1204 г. явились одной из вспышек векового конфликта католического Запада и православного Востока из-за обладания святыми местами. По мнению русского историка, во время крестовых походов латинский Запад попрал права православия, что позволило ему говорить о вине Запада “перед судом истории” и о необходимости для России в дальнейшем принять активное участие в разрешении так называемого восточного вопроса³⁰. Антивизантийская направленность крестового похода, с точки зрения сторонников рассмотренной версии событий, постоянно возрастала. В XX в. идею конфликта Запада и Востока как первопричины Четвертого крестового похода развивал и Ч. Брэнд в своей монографии³¹.

Приведенные примеры – лишь незначительная часть различных интерпретаций событий 1204 г., истолкованных историками в пользу той или иной версии. О Четвертом крестовом походе сложился целый спектр мнений, отраженных в средневековых памятниках и трудах историков. Еще в начале прошлого века, подытоживая различные интерпретации события, Ф.И. Успенский писал о том, что изменение направления Четвертого крестового похода – результат весьма сложных “политических отношений того времени, с одной стороны – между империями Восточной и Западной, с другой – между Венецией и Византией” и, чтобы выяснить обстоятельства изменения цели крестового похода, нужно непременно выявить отношение Германии к Византии, Венеции к Византии и всех трех – к папству³². Примерно в то же время П. Риан, обобщая различные версии события, заявлял, что поход – “результат действия нескольких сил, представляющих различные интересы тех, кто был вовлечен в события 1202–1203 гг.: Венеции – в силу ее торговых интересов, Филиппа Швабского – в силу его традиционной политики,

²⁸ См.: Odoni Diogili de Ludovici VII Itinere Libri VII // PL. T. 185. Col. 1201–1246.

²⁹ Norden W. Der vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. В., 1898.

³⁰ Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 645. О взглядах Ф.И. Успенского см.: Заборов М.А. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в. // ВВ. 1969. Т. XXV. С. 121–142.

³¹ См.: Brand Ch. Byzantium confronts the West, 118–1204. Cambridge (Mass.), 1968.

³² Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 281.

Бонифация – в силу притязаний Монферратов на Востоке, латинского духовенства (если не лично папы Иннокентия III) – соблазненного иллюзорной надеждой союза двух церквей... каждая политическая сила имеет свое четко определенное место в этом великом конфликте честолюбий”³³.

В XX в. многие работы историков – Д. Квеллера и его ученика Ф. Мэддена, А. Андреа, Я. Фольды и многих других – как раз и были посвящены всестороннему рассмотрению роли всех этих политических сил, участвовавших в конфликте 1204 г.³⁴ Современная историография не отдает предпочтение ни одной из выше перечисленных теорий (венцианской измены, швабской измены или теории случайностей), делая акцент прежде всего на комплексном анализе источников, освещающих событие 1204 г. и подчеркивая, что ответ на вопрос об изменении направления крестового похода не может быть однозначным³⁵.

В свете всех выше изложенных интерпретаций истории Четвертого крестового похода и историографических концепций обратимся к той версии событий, которая отражена в древнерусских источниках. Наиболее подробный рассказ о событиях находим в своеобразном литературном памятнике – “Повести о взятии Царьграда фрягами”³⁶. Самый ранний ее текст представлен в Синодальном списке Новгородской первой летописи, в той части ее, которая датируется XIII в.³⁷ Таким образом, рукопись незначительно удалена от времени создания памятника³⁸. Повесть также входит в состав более поздних по времени записи летописях – Софийской (первая четверть

³³ *Riant P.* Le changement de direction de la IV croisade d’après quelques travaux récents // *Revue des questions historiques*. P., 1878. Т. XXIII. P. 111.

³⁴ *Queller D., Madden T.* The Fourth Crusade. University of Pennsylvania Press, 1996. 2nd ed. (Appendix: *Andrea A.* The Sources for the Fourth Crusade). P. 299–318; *Madden T.* Outside and Inside the Fourth Crusade // *The International History Review*. 1995. Т. 17. P. 343–385; *Madden T., Queller D.E.* Vows and Contracts in the Fourth Crusade: The Treaty of Zara and the Attack on Constantinople in 1204 // *The International History Review*. 1993. 15. P. 441–445; *Andrea A.* Contemporary Sources for the Fourth Crusade. Leiden, 2000; *Folda J.* The Fourth Crusade, 1201–1204: Some Reconsiderations // *Byzantinoslavica*. 1926. Т. 65; *Brand Ch.* The Fourth Crusade: Some Recent Interpretations // *Medievalia et Humanistica*. 1984. Т. 12. P. 33–45; *Юзбашян К.Н.* Классовая борьба в Византии в 1180–1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957.

³⁵ См.: *Harris J.* Looking back on 1204: Nicetas Choniates in Nicaia // *Mésogaios*. 2001. Vol. 12. P. 117–124; *Noble P.S.* The Importance of Old French Chronicles as Historical Sources of the Fourth Crusade and the Early Latin Empire of Constantinople // *Journal of Medieval History*. Amsterdam, 2001. Vol. 27. P. 399–416; *Idem.* Eyewitnesses of the Fourth Crusade: the Reign of Alexius V // *Medieval Chronicle* / Ed. E. Kooper. Amsterdam; New York, 2002. Vol. 2. P. 178–189

³⁶ См. издания памятника: Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году / Подгот. текста, пер. и примеч. О.В. Творогова // *Изборник*. М., 1969. С. 280–289, 734–735; Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году / Подгот. текста, пер. и примеч. О.В. Творогова // *Памятники литературы древней Руси: XIII век*. М., 1981. С. 106–113, 537–539.

³⁷ Новгородская летопись старшего и младшего извода / Изд. А.Н. Насонов. Л., 1950. Стб. 46–49. В настоящей статье цитаты даются по этому изданию (далее: Повесть).

³⁸ Повесть входит в качестве пассажи в состав Еллинского летописца второй редакции – хронографического свода, содержащего изложение всемирной истории. См. также: *Лихачев Д.С.* Еллинский летописец 2-го вида и правительственные круги Москвы к. XVI в. // *ТОДРЛ*. 1948. Т. VI. С. 100–111. О рукописях Повести см.: *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // *ТОДРЛ*. 1954. Т. 10. С. 132–134.

XV в.)³⁹, Воскресенской (середина XVI в.)⁴⁰, Никоновской⁴¹, Густынской (XVII в.)⁴² и Тверской (XV–XVI вв.)⁴³ и др.

Новгородская “Повесть о взятии Царьграда фрягами” исследовалась в основном отечественными специалистами по древнерусской литературе. Западные историки, изучавшие события 1202–1204 гг., тоже опирались на этот памятник, хотя и не изучали его всесторонне. Одним из первых на него обратил внимание К. Климке в своем обзоре источников по истории Четвертого крестового похода. Он высказал мнение о том, что Повесть вторична и представляет собой позднейший перевод неизвестного греческого оригинала⁴⁴. Ш. Хопф перевел древнерусский памятник на латынь, дав ей название “Chronista Novgorodensis” и использовал ее в своей монографии⁴⁵. Мнение К. Климке о вторичности древнерусского источника не подтвердилось. Уже П. Риан писал в своей статье: “Это источник подлинный, из первых рук, а число русских, которые в это время посещали имперскую столицу, позволяет предположить, что рассказ новгородца написан по свидетельствам очевидцев”⁴⁶. Итак, П. Риан придавал Повести большое значение, полагая, что ее автор беспристрастен и его точка зрения на события нейтральна⁴⁷. В разной степени в качестве источника Повесть использовали А. Люшер, граф П. Риан, а в наши дни Д. Квеллер. В дальнейшем Повесть была переведена на английский⁴⁸, французский⁴⁹, немецкий⁵⁰ и испанский⁵¹ языки.

Занимавшиеся этим памятником русские ученые – Ф.И. Успенский, В.С. Иконников и др., а позднее Н.А. Мещерский и М.А. Заборов⁵² – не сомневались в том, что она написана русским очевидцем, хотя расходились в

³⁹ Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 253–260.

⁴⁰ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. Стб. 109–111.

⁴¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. Стб. 37–42.

⁴² Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 108–109.

⁴³ Тверской летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 294–300.

⁴⁴ Klimke C. Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges. Dissertation. Breslau, 1875. S. 71.

⁴⁵ Chroniques Greco-romaines inédites ou peu connues / Ed. Ch. Hopf. B., 1873. P. XIV–XV; 93–98; Hopf Ch. Geschichte Griechenlands im Mittelalter und in der Neuzeit. Leipzig, 1867. S. 184–200.

⁴⁶ Riant P. Le changement... P. 77, 87. Конечно, для П. Риана было весьма важно прежде всего то, что древнерусский памятник подтверждал его мнение о роковой роли Филиппа Швабского в изменении направления похода. Новгородская повесть могла также подкрепить его гипотезу о том, что Бонифаций Монферратский играл роль посредника между папой и королем (Ibid. P. 88).

⁴⁷ Riant P. Exuviae Sacrae Constantinopolitanae. Vol. 1. Genevae, 1877. P. CCLVI.

⁴⁸ The Chronicle of Novgorod, 1016–1471 / Transl. from the Russian by R. Mitchell, N. Forbes. With an Introduction by C.R. Beazeley and an account of the Text by A.A. Schakhmatov. L., 1914. P. 43–48; Gordon J. The Novgorod Account of the 4th Crusade // Byz. 1973. T. 43. P. 306–311.

⁴⁹ Patri S. La relation russe de la 4-ième croisade // Byz. 1988. T. 58. Fasc. 2. P. 467–473.

⁵⁰ Dietze J. Die Erste Novgorod Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift 1016–1333). Leipzig, 1971. S. 79–83.

⁵¹ См.: Sara de Mundo L. La Cuarta Cruzada según el cronista novgorodense // Anales de historia antigua y medieval de la Universidad de Buenos-Aires. 1950. P. 135–141. Перевод на испанский был сделан с не очень удачного латинского перевода К. Хопфа. См. кн.: Sara de Mundo L. Cruzados en Bizancio. La Cuarta Cruzada a la luz de las Fuentes latinas y orientales. Buenos-Aires, 1957.

⁵² Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 2. Киев, 1892. С. 1366; Успенский Ф.И. Четвертый крестовый поход. С. 416; Заборов М.А. Папство и захват Константинополя крестоносцами // ВВ. 1952. Т. V. С. 156–177; Он же. Известия русских современников о крестовом походе // ВВ. 1971. Т. XXXI. С. 89–108.

оценках точки зрения летописца на события. Из русских ученых самый обстоятельный и всесторонний анализ Повести был осуществлен специалистом по древнерусской литературе Н.А. Мещерским в двух его статьях⁵³. Интересное исследование памятника принадлежит и русскому медиевисту П.М. Бицилли⁵⁴. Историк полагал, что в Повести изложена так называемая ибеллинская, т.е. оправдывающая позицию Штауфенов⁵⁵. Бицилли также считал, что в основу Повести легли устные предания и рассказы, почерпнутые древнерусским автором из бесед с немцами.

Сходная точка зрения на Повесть была высказана немецким историком Л. Фрейданком. Как и П. Бицилли, он обратил внимание на то, что по древнерусскому сочинению, Филипп Швабский действует заодно с папой, хотя в реальности Иннокентий III отказывался признать его германским императором. С его точки зрения древнерусский автор стремился показать, что отклонение от похода явилось не результатом вмешательства посторонних сил, а следствием борьбы за трон византийских императоров. Как и П. Бицилли, Л. Фрейданк полагает, что сведения о событиях автор черпал из бесед с немцами и утверждал к тому же, что его главным собеседником был архиепископ Хальберштадтский. На этом основании Л. Фрейданк делает вывод о “крайней тенденциозности” древнерусского автора⁵⁶.

Как известно, теория “венецианской измены” исключала теорию “германской измены”, потому неудивительно, что сторонники “ибеллинской версии” возлагали вину в отклонении похода на Венецию. Именно так, опираясь в том числе на статью П.М. Бицилли, оценивал впоследствии события 1204 г. М.А. Заборов⁵⁷. Наконец, Ф.И. Успенский, сравнивая Повесть с западными источниками, также пришел к выводу об уникальности нашего памятника. При этом он совершенно иначе, чем П. Риан, П.М. Бицилли или Л. Фрейданк, оценивал характер его оригинальности: по его мнению, новгородский автор “стоит совсем одиноко и оказывается в полном противоречии с хвалебными латинскими и французскими описаниями похода”. С точки зрения Ф.И. Успенского, Повесть осуждает действия крестоносцев и дает современникам “урок гуманности и терпимости и любви к человеку”⁵⁸. В дальнейшем изложении нам предстоит выяснить, насколько справедливы все эти суждения.

⁵³ Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 120–135; *Она же*. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // ВВ. 1956. Т. 9. С. 170–185.

⁵⁴ Бицилли П.М. Новгородское сказание о 4-м крестовом походе // Исторические известия. М., 1916. Т. III–IV. С. 53–60. Согласно автору Повести, подчеркивает П.М. Бицилли, никакого отклонения от цели крестоносной экспедиции не было, а решение о походе против узурпатора Алексея III было принято совместно папой и императором. Он также обращал внимание на то, что в Повести политика Иннокентия III приписана германскому королю. Такой интерпретации событий, по мнению П.М. Бицилли, мы не найдем ни в одном западноевропейском источнике.

⁵⁵ Там же. С. 60: «Новгородская летопись отразила в себе официальную “ибеллинскую” точку зрения на значительнейшее из мировых событий того времени».

⁵⁶ Freydanck D. Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novgorodensis) // Byzantinoslavica. 1978. Т. 29. S. 334–359.

⁵⁷ Заборов М.А. Известия русских современников... С. 103: «Подобно эльзасцу Гунтеру Пэрисскому автор “Повести” обвиняет венецианцев во главе с дожем Энрико Дандоло в злощастном исходе крестового похода».

⁵⁸ Успенский Ф.И. Четвертый крестовый поход. С. 416.

Новгородская повесть привлекала внимание историков прежде всего потому, что она содержит подробный и очень точный рассказ о событиях 1204 г. Вот только несколько примеров, свидетельствующих о ценности памятника как исторического источника. Так, новгородец очень точно описал размеры опустошения, причиненного первым пожаром в столице: “И пожъжень бысть град и церкви несказьны лѣпотою, имъ же не можемъ числа съповѣдати; и Святое Софие притворъ погорѣ, идеже патриарси вси написани, и подрумье и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорѣ”⁵⁹. Цесарев затвор – цепь, преграждавшая путь к Суду – заливу Золотой Рог⁶⁰. Таким образом, автор указал на границы территории, охваченной пожаром. Он точно передает некоторые детали окончательного штурма Константинополя: “...приступиша къ граду, солнцю въсходящю, противу Святому Спасу, зовемый Вергетись, противу Испигасу, стаха же и до Лахерны”⁶¹. Церковь Спаса Евергета находилась в центре византийской столицы. Испигас – название ворот в городе (πύλη τῆς ληγῆς), через которые путь вел в район города Пиги (εἰς ληγῆς)⁶². Повесть упоминает и другую подробность: корабль крестоносцев, который благодаря попутному ветру быстро пересек залив во время штурма Константинополя⁶³. Этот пассаж свидетельствует о точном знании военной техники фрягов. Автор Повести упоминает также особые военные корабли крестоносцев – дромоны, в которых рыцари перевозили свою конницу: “И тако бысть взятие Цесаря града великого: и привлеце корабль къ стенѣ граднѣй вѣтръ, и быша скалы ихъ великыя чрѣсь град, и нижнее скалы равно забороломъ, и бхуть съ высокыхъ скалъ на градъ Гръкы и Варягы камением и стрѣлами и сулицами, а съ нижнихъ на град сълѣзоша, и тако взяша град”⁶⁴. Еще одна деталь, свидетельствующая о хорошей осведомленности летописца: после штурма 12 апреля крестоносцы не решились продолжать военные действия и переночевали в том месте, где ранее была ставка императора Мурцуфла, а на рассвете вошли в храм Св. Софии: “и внидоша въ град Фрязи вси, априля въ 12 день, на святого Василия исповѣдника, въ понедѣльник, и стаха на мѣсте, идеже стояше цесарь

⁵⁹ Повесть. Стб. 47. См. буквальное воспроизведение рассказа новгородца в Тверской летописи: Тверской летописец. Стб. 296.

⁶⁰ Как известно, именно на цепь, запиравшую вход в Золотой Рог, и целились крестоносцы. Робер де Клари говорит о том, что большая железная цепь закрывала порт Константинополя в со стороны Галаты. *Robert de Clari La Conquête de Constantinople*. P. 43: “Порт Константинополя был очень хорошо защищен большой железной цепью, которая проходила с одной стороны в город, а с другой – к башне Галаты” – “estoit li pors de Constantinoble moult bien fremés d’une molt grosse caaine de fer qui tenoit en la chité et d’autre part du port a la tour de Galatha”.

⁶¹ Повесть. Стб. 48.

⁶² *Janin R. Constantinople Byzantine, développement urbain et répertoire topographique*. P., 1964. P. 274–275.

⁶³ Повесть. Стб. 49.

⁶⁴ Повесть. Стб. 48. О рыцарской коннице говорится и в Тверской летописи (стб. 298). Упоминание о военных кораблях, где в трюмах находились воины, совпадают со сведениями Робера де Клари. Французский хронист сообщает, что рыцари находились в трюме в полном вооружении, а в нужный момент по перекидному мостику выходили наружу. *Robert de Clari*. Op. cit. P. 42: “si issirent li chevaliers hors des uissier tot monte, que li uissier estoient en tele maniere fait que li li avoit wis que on ouvroit bien, si lanchoit on un pont hors, par ou le chevalier pooient issir hors a tere tot monté..”. М.А. Заборов, изучавший русские летописи, обращал внимание на то, что цифры летописца более объективны, чем у западных хронистов (Известия русских современников о крестовых походах).

Грьчьскыи, у Святого Спаса, и ту сташа и на ночь”⁶⁵. Автор Повести, скорее всего, лично наблюдал все события, о которых он рассказывает.

Но не только точность описания деталей делает Повесть уникальным источником. По убеждению многих историков, этот литературный памятник дает свою совершенно самобытную версию событий Четвертого крестового похода. В чем же она состоит? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, из каких источников черпал информацию автор, создавая свою интерпретацию происходящего. Ведь как писал П. Бицилли, “не выдумал же свое объяснение наш очевидец. Остается предположить, что он почерпнул его из беседы на месте. Эти беседы он мог вести либо с греками, либо с латинянами”⁶⁶. В самом деле, обилие прямой речи, диалогов и монологов позволяет предположить, что материал для сочинения новгородец действительно черпал из устной традиции. Об этом же свидетельствует и наличие сказочных мотивов в Повести, проанализированных литературоведом Н.А. Мещерским⁶⁷. Так, в сказочном духе изображено бегство царевича Алексея из Константинополя от преследований Алексея III. Как мы знаем из сочинения Никиты Хониата, Алексей под влиянием отца принял решение бежать и договорился с одним пизанским судовладельцем. Его бегство было замечено, но он “остриг себе волосы в кружок, нарядился в латинскую одежду и смешался с толпой”⁶⁸. В Повести же говорится, что он был приведен на корабль и посажен в бочку, имевшую с одного конца три дна, там, где сидел царевич Алексей, а с другого конца, где затычка, была налита вода. Алексея повсюду искали, повыбивали из бочек затычки, но, увидев, что из бочек течет вода, ушли ни с чем⁶⁹. Несомненно, рассказы о бочке с тройным дном имеют сказочное происхождение. О наличии фольклорных мотивов повести свидетельствует и пристрастие автора к символическому числу “сорок”: так, среди награбленных крестоносцами драгоценностей он перечисляет “40 кадие чистаго золота” и “40 кубъковъ великихъ... иже бяху прѣд олтарем”. На 40 кораблях крестоносцы подплывают к Царьграду (“Приступиша же на 40 корабль въ великихъ...”)⁷⁰. Эти устные предания были, вероятно, распространены среди простонародья, и в Повести мы видим популярную версию изложения событий.

Уже Н.М. Карамзин, впервые обративший внимание на сказочные мотивы, предположил, что летописец “слышал все описанные им подробности от какого-нибудь очевидца, земляка своего”⁷¹. Историк П. Савваитов предположил, что этим земляком мог бы быть Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ новгородский Антоний, который побывал в Царьграде в 1201 г. и

⁶⁵ Повесть. Стб. 48. Ср.: Тверская летопись. Стб. 298: “и сташа на мѣстѣ, идеже стояше царь греческій...”.

⁶⁶ Бицилли П.М. Указ. соч. С. 56.

⁶⁷ Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 129.

⁶⁸ Хониат Никита. История со времен царствования Иоана Комнина. Т. 2. СПб, 1862. С. 267–269.

⁶⁹ Повесть. Стб. 46. Такой же рассказ содержится в Тверской летописи. Стб. 295: “И веденъ бы въ корабль, всажен в бочку, имушу три дна... и вся мѣста обыскаша... и не обретоша его...”.

⁷⁰ Повесть. Стб. 46. См. то же описание в Тверской летописи. Стб. 298; Мещерский Н.А. О взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 129.

⁷¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 572. Примеч. 149.

описал Константинополь и его реликвии⁷². Возможно, автор Повести мог использовать и сочинение своего соотечественника⁷³.

Какими еще источниками он мог воспользоваться? Общался ли он с крестоносцами, непосредственными участниками событий? На этот вопрос мы сможем ответить, если проанализируем содержание Повести и выясним, какую из западных версий он разделял – “теорию венецианской измены”, “теорию швабской измены” или, быть может, “теорию случайностей”?

Для начала отметим, что новгородец называет трех главных вождей (“воевод”) Четвертого крестового похода: “Се же имена воеводам ихъ: 1 маркъсь от Рима, въ граде Бърне, идеже бе жилъ погании злыи Дедрикъ. А 2-й кондофъ Офланъдръ. А 3 дужь слепии от Маркова острова Венедикъ”⁷⁴. Итак, Бонифаций Монферратский и Энрико Дандоло наряду с Бодуэном Фландрским названы в числе главных действующих лиц. Сразу же отметим, что новгородец не разделяет версии западных хронистов – Виллардуэна, Робера де Клари и др. – в соответствии с которой изменение направления похода произошло вследствие роковой случайности. Для древнерусского автора история похода начинается с того момента, когда “царевич Алексей”, подстрекаемый свергнутым с престола отцом, бежит к мужу своей сестры – “немецкому цесарю” Филиппу и просит того помочь восстановить себя на престоле. “Всь град Костянтинъ хотятъ моего царства”⁷⁵, – уверяет Алексей Филиппа. Затем новгородец сообщает о переговорах Филиппа и Иннокентия III, в результате которых король и папа решаются на то, чтобы направить поход “фрягов” к Константинополю, т.е. против узурпатора Алексея III⁷⁶. По словам автора, Филипп Швабский и папа указывали крестоносцам такой путь действий: “Такоже посадыче его на прѣстоль, поидите же къ Иерусалиму въ помощь; не всъхотятъ ли его, а ведете и опять къ мнѣ, а пакости недите Гръческой земли”⁷⁷. Итак, с точки зрения русского летопис-

⁷² См.: Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в концѣ 12-го столѣтїа с предисл. и примеч. Павла Савваитов. СПб., 1872. С. 8. См. другое издание памятника: *Антоний Новгородский*. “Книга паломник” / Изд. Лопарев Х.М. СПб., 1899. Сочинение новгородского паломника было переведено на французский язык еще в XIX в. Б. Хитрово: *Itinéraires russes en Orient trad. Pour la Societé de l’Orient latin par M-me V. de Khitrowo*. Osnabrück, 1966 (1-е изд. 1881). Р. 87–115. Благодаря переводу этот памятник был довольно быстро введен в научный оборот в западной историографии. Поль Риан отмечал точное описание новгородцем достопримечательностей Константинополя. *Riant P. Exuviae Sacrae Constantinopolitanae*. Р. ССVIII–ССXVIII.

⁷³ Высказывались предположения, что именно архиепископ новгородский и написал Повесть. См.: История русской литературы. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 303. Существовало мнение, согласно которому Антоний создал сначала один вариант записей о путешествии в Царьград, под 1202 г., а затем после латинского завоевания Царьграда в 1204 г., сам же сделал к ним дополнения. См.: *Белоброва О.А.* “Книга паломник” Антония Новгородского. К изучению текста // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 178–186.

⁷⁴ Повесть. Стб. 49.

⁷⁵ Повесть. Стб. 46.

⁷⁶ Точно так же Густынская летопись сообщает о событиях, правда, летописец перепутал Иннокентия III и Целестина. См.: Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 4. Стб. 108: “Но Алексей Исакович, егда избывъ от узъ, побъеже из грекъ к Филиппу, кесарю Нѣмецкому, зятю своему, и сестрѣ своей, жалъся на стрїя своего Алексѣя Ангела, и проси его о помощь. Кесарь же посла его въ Рим ко Келестину папѣ”.

⁷⁷ Здесь почти буквально воспроизводятся слова Иннокентия III: “Nec videntes terras Christianorum nec laedentes in aliquo” // *Patrologiae crusus completes. Series latina*. Р., 1855. Т. 214. Р. 1178–1182. На это сходство обратил внимание Д. Фрейданк (*Freydank D. Op. cit. S. 350*).

ца, никакого “отклонения” от первоначальной цели похода не было – он изначально по инициативе Филиппа Швабского направлен на Царьград. Объясняя дальнейший ход событий, древнерусский автор стремится отвести обвинения от папы Иннокентия III и германского императора Филиппа Швабского. Повесть дважды, на что обратил внимание еще Н.А. Мещерский, напоминает о призыве к рыцарям “не причинять зла Греческой земле”⁷⁸. Второй раз они вспоминают про заповедь папы и императора, когда Алексей Мурцуфул (Алексей V) объявляет им о смерти предательски умерщвленного им цесаревича Алексея, которого крестоносцы должны были в случае провала их плана привезти обратно: “Тъгда же фрязи печальни бывъше за прѣслушание свое: не тако бо бѣ казал имъ цесарь нѣмѣчьскыи и папа римьскыи, якоже си зла учиниша Цесарюграду”⁷⁹. Они уже не смогут вернуться к папе и Филиппу с царевичем Алексеем и, следовательно, не смогут выполнить обещание. Именно на эту подготовленную почву падает предложение кого-то из крестоносцев: “оже намъ нѣту Исаковица, с нимъ же есме пришли, да луче мы естъ умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомъ отъйти”, – так передает его слова древнерусский автор⁸⁰. Итак, рыцари-крестоносцы оказываются в Повести нарушившими слово вассалами, которые силой обстоятельств вынуждены отступить от первоначальной цели похода – освобождения Иерусалима. В целом древнерусский автор дает негативную оценку их поведению: с его точки зрения, еще в самом начале похода в византийскую столицу “фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиха злато и срѣбро, иже мѣняшеть имъ Исаковицъ, а цесареве велѣния забыша и папина”⁸¹. Еще более резко свое негативное отношение к крестоносцам он высказывает, описывая бесчинства крестоносцев. Подробнее всего он описывает разграбление Св. Софии: “Заутро же, солнцю всъходящю, вѣнидоша въ святую Софию, и одъраша дъври и расѣкоша, а онболъ окованъ бяше всъ сребромъ, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотныя... и 12 креста...”⁸². Все главные сокровища, по свидетельству новгородца, были разграблены, за исключением, к его радости, Одигитрии: “Дигитрию чюдную, иже по граду хожаше, святую богородицю, съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне естъ, на нюже надѣмся”⁸³. Русский автор отмечает, что ограблению подверглась не только Св. София, но и храм Богородицы во Влахерне; и многие другие церкви и монастыри, “имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати”⁸⁴. Он также рассказывает о расправе над монахами и монахинями, попами, которых крестоносцы убивали или грабили⁸⁵. Главные защитники

⁷⁸ Повесть. Стб. 46.

⁷⁹ Повесть. Стб. 47.

⁸⁰ Повесть. Стб. 47–48. Так же изображает события Тверская летопись: “оже нам нынѣ нѣту Исаковича, съ нимъ же пришли есми, да луче ны естъ здѣ умрѣти у Цареграда, нежели съ срамомъ отъйти” (стб. 298).

⁸¹ Повесть. Стб. 46.

⁸² Повесть. Стб. 48.

⁸³ Повесть. Стб. 49. В Воскресенской летописи содержится отдельный рассказ об иконе (“О иконе пречистой Одигитрии в Цариграде”). См.: Воскресенская летопись // Русские летописи. Т. II. Рязань, 1998. Стб. 154.

⁸⁴ Повесть. Стб. 49.

⁸⁵ Там же: “Черньче же и чернице и попы облупиша и неколико ихъ избиша, гръки же и валягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали”.

города – греки и варяги – были, как сообщает древнерусский автор, изгнаны крестоносцами⁸⁶.

В этом описании грабежа новгородец, несомненно, осуждает поведение рыцарей-крестоносцев, прельстившихся легкой добычей. Согласно его версии события приняли трагический оборот – христиане напали на христиан – поскольку крестоносцы ослушались повеления “немецкого цесаря”. С одной стороны, новгородец склонен всячески подчеркнуть невиновность папы и императора. С другой, он приписывает большую долю вины не только алчным рыцарям, но и венецианцам и, в частности их дожу, который “много брани на град замышляше”. В этой оценке он, несомненно, расходится со своим западным современником – Виллардуэном, изображавшим дожа благородным человеком⁸⁷. По словам новгородца, “Съ же Дужъ много брании замышляше на град, и вси его послушаху, и корабли его велиции бяхуть, с них же градъ възша”⁸⁸. Древнерусский автор упоминает и о напряженных отношениях между Венецией и Византией и о том, что император Мануил лишился дожа зрения, подвергнув изощренной византийской казни: ослеплению стеклом⁸⁹. Как известно, “теория венецианской измены” логически включает “теорию швабской измены”, и именно в “ибеллинской” версии Четвертого крестового похода вина за происшедшее возлагалась на Венецию. Но все же нельзя не обратить внимание на то, что в Повести присутствует лишь это единственное упоминание о роли Венеции в происходящей в Константинополе трагедии, да и то приводится оно в самом конце рассказа новгородца. Конечно, многие детали Повести, казалось бы, убеждают нас склониться на сторону П.М. Бицилли и Д. Фрейданка и признать, что происшедшее излагается в Повести с точки зрения и в пользу Штауфенов. К этому склоняет и анализ языка памятника, проделанный сначала П.М. Бицилли, а затем Н.А. Мещерским⁹⁰. Так, маркиз Бонифаций Монферратский назван “Маркосом из Берны” (здесь автор явно смешал титул маркиза с именем Марк), а именно немцы называли Верону Берн⁹¹. Кроме того, новгородец

⁸⁶ Там же: “Грьки же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали”. Тверская летопись повторяет новгородца с незначительными изменениями, при этом летописец в целях создания правдоподобия называет много цифр. См. стб. 298: “300 чръници же, и чръници и попы облыпуша, и нѣколило ихъ избыша”. Густынская летопись несколько подробнее рассказывает о похищении рыцарями византийских реликвий. См.: Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 108: “И много въ то время святыни изнесоша съ Цариграда в Римъ, си есть икон чудотворных, сосуд честныхъ и мощей святых. Тогда изнесоша и мощи святых въ Рим Иоанна Златоуста и образ нерукотворенный и проч.”.

⁸⁷ См. восторженные характеристики венецианского дожа в сочинении Виллардуэна, где он называет его “мудрым и доблестным”. *Geoffroy de Villehardouin. Conquête de Constantinople / Ed. Natalis de Wailly. P., 1882. P. 16: “li dux mult ere sage et proz”*. Виллардуэн отмечает ясный ум и искусство Энрико Дандоло, рассказывая о заключении договора между венецианцами и крестоносцами. “Et il i par son sens et par son engin, que il avoir mult clere et mult bon, les mist en ce que il le lerent...” (Ibid.). В другом месте Виллардуэн восхваляет прекрасную речь дожа: “Des paroles que li dux dist bones et belles ne vos puis tout raconter...” (Ibid. P. 18).

⁸⁸ Повесть. Стб. 49.

⁸⁹ Там же: “Царь же не хотя его убити, повеле очи ему слепити стьклом, и быста очи ему яко неврежене, нъ не видяше ничегоже”.

⁹⁰ Бицилли П.М. Указ. соч. С. 59; Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 131.

⁹¹ Как подтверждает Д. Фрейданк, Верона была известна немцам по сказаниям о Дитрихе Бернском (*Freydank D. Op. cit. S. 348*).

упоминает Дитриха Бернского – Теодориха Веронского (“идеже бе жил поганый злый Дедрик”) и, возможно, как предположил Н.А. Мещерский, был знаком с “Песнью о Нибелунгах”, в которой Теодорих фигурирует именно под этим именем⁹². На немецкий манер автор назвал Венецию так же, как ее называли немцы: Венедикт (Venedig). Все эти элементы лексики, по мнению Н.А. Мещерского, отражают общение автора с “фрягами”, а с точки зрения П.М. Бицилли, льют воду на “ибеллинскую” версию, стало быть, заставляют предположить, что древнерусский автор черпал сведения, общаясь с немцами⁹³. Но все же делать выводы преждевременно, пока мы не обратились к изображению новгородцем византийцев.

И здесь, на мой взгляд, мы сталкиваемся с самой парадоксальной чертой древнерусского памятника. В отличие от западноевропейских хронистов, он не винит в случившемся только крестоносцев, хотя и рисует картину трехдневного разграбления города при зареве пожара. События по Повести развиваются так: цесарь Исаак глубоко сожалеет о разграблении монастырей, к которому византийцы вынуждены прибегнуть ради уплаты долга крестоносцам (Как мы помним со слов Хониата, Алексей – юный по летам и уму – обещал латинянам баснословные суммы, и его отец был вынужден просить у церкви⁹⁴.) На него удручающее впечатление производит пожар, который устроили в Царьграде фряги, все эти переживания обостряют его болезнь и ускоряют кончину. Согласно Повести после смерти Исаака Ангела возмущенные “людие” поднимают восстание против Алексея (“про зажъжение градъное и пограбление монастырское”). В дело вмешивается “чернь”, которая, на время став хозяйкой положения, увлекает за собой и “добрых мужей”. “Чернь” решает передать власть сначала в руки Радиноса, который отрекается от власти и постригается в монахи, а затем самовольно коронует в храме Св. Софии нового кандидата на престол – Николая Канава. Испугавшись гнева простонародья (“людие”), Алексей IV намеревается ввести в город крестоносцев. “Бояре” отговаривают его, но затем “убоявъшеся ввѣдения фрягъ”, тайком договариваются с Алексеем Мурцуфлом и свергают Алексея IV, который незадолго до этих событий освободил Мурцуфла из заключения, взяв с него обещание, что тот не будет добиваться престола, бросают в тюрьму. Мурцуфл сначала сближается с простонародьем, объявив ему, что он захватил “ворога вашего Исаковица” и обещает Канаве власть (“А Николь даю пѣрвыи въ боярехъ”), но затем бросает его и его жену в темницу. Истощенная византийская столица становится легкой добычей крестоносцев, которые при следующем штурме без труда захватывают ее. Летописец подчеркивает положительную роль Мурцуфла в обороне города: в отличие от западных хронистов, для которых он всего лишь узурпатор, коварно убивший законного престолонаследника⁹⁵, новгородец изо-

⁹² Н.А. Мещерский предположил, что форма “Дедрик” свидетельствует о нижнегерманском его произношении (Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 131).

⁹³ В этом контексте суждение Д.С. Лихачева о том, что автор Повести общался прежде всего с греками, кажется не вполне обоснованным. См.: *Лихачев Д.С. Литература эпохи “Слова о полку Игореве”*. С. 15: “Автор не только видел некоторые из событий собственными глазами, но и слышал о них от других – греков”.

⁹⁴ *Хониат Никита. История со времен царствования Иоана Комнина*. С. 273.

⁹⁵ Крестоносцы постоянно объясняют свои агрессивные действия тем, что они стремятся восстановить в правах законного наследника и создать ситуацию законности. Так, по словам

бражает его крепким военачальником, который в критический момент взял бразды правления в свои руки, “надеясь расправиться с фрягами”. Однако во время штурма, показывает летописец, “бояре” отказываются защищать Царьград, а затем вместе с императором и патриархом бегут из захваченного крестоносцами города⁹⁶. Лишь немногочисленные отряды греческих воинов и наемных варягов, верных присяге, отстаивают город и погибают⁹⁷. Итак, новгородец в целом склонен рисовать поведение византийцев в негативных красках и объяснять случившееся не столько внешними причинами – действиями крестоносцев или политикой Венеции, сколько внутренними причинами – распрями внутри высших слоев византийского общества и их коварной политикой по отношению к своему народу. На мой взгляд, этот мотив в Повести звучит более отчетливо, чем мотив осуждения фрягов, разграбивших столицу. Древнерусский автор подвергает моральному осуждению не столько латинян, сколько византийцев – своих братьев по вере – и не ищет для них оправдания. Черпая сведения у латинян, он тем не менее излагает свою самостоятельную точку зрения на ход событий, он обвиняет византийцев, но не так, как западные хронисты, изображавшие греков коварными и вероломными, а их правителей – узурпаторами законной власти. Для него ясно одно: “Греческая земля” погибла не по вине Венеции или германского императора, алчных рыцарей-крестоносцев или вследствие случайного стечения обстоятельств, но исключительно из-за “свады цесарей”, правителей, предавших интересы государства и народа, и это единственное объяснение происшедшего в Византии. При этом писатель отнюдь не объясняет “погибель Греческого царства” в религиозном духе – как наказание за грехи.

Почему же новгородец преподносит читателю вполне мирскую и, казалось бы, необычную для древнерусского автора версию, если можно так выразиться, “византийской измены”? Отчасти это связано с тем, что в Повести действительно изложена простонародная версия событий⁹⁸. Все же давно высказанное мнение П. Риана о политической нейтральности древнерусского автора представляется более убедительным. Древнерусский автор не отягощен богословскими знаниями и не разбирается в тонкостях символической концепции “богохранимого города Константинова”. Из гибели Царьграда он не

Виллардуэна, они утверждают на престоле Алексея IV со следующими словами: “Тот, кого вы слушаетесь как своего господина, несправедно правит вами, против воли Божьей и разума. Знайте же, что он вероломно поступил со своим братом и господином, что он его предал и несправедным греховным способом захватил царство” (*Geoffroy de Villehardouin*. Op. cit. P. 83: “Car cil cui vos obéissez cum a seignor, vos tient à tort et à pechié, contre Dieu et contre raison. Et bien savez con il a desloiaument ovré vers son seignor et vers son frere; que il li a les els traizm et tolu son empire à tort et pechiez”). Примечательно, что точно так же мотивирует агрессию против греков латинское духовенство, даже обещая отпущение грехов, в случае если рыцари завоюют империю с целью подчинить ее апостолическому престолу и умрут в этой борьбе: “la bataille est droite et juste; et se vos avez droite entention de conquerre la terre et mettre a l’obedience de Rome, vos avez le pardon tel cum l’apostoiles le vos a octroie, tuit cil qui confies i morront” (*Geoffroy de Villehardouin*. Op. cit. P. 130).

⁹⁶ Повесть. С. 110: “Цесарь же Мюрчюфольт крепляше бояры и все люди, хотя ту брань створити с фрягы, и не послушаша его: побегоша от него вси...”.

⁹⁷ Повесть. С. 110: “и бяхуть съ высокыхъ скаль на граде грькы и варягы камениемъ и стрелами и сулицами...”.

⁹⁸ Трудно согласиться с Д. Фрейданком, который полагал, что в таком изображении событий проявилась тенденциозность древнерусского автора, якобы защищавшего прежде всего немецкие интересы (*Freydank D*. Op. cit. S. 351).

выводит никаких зловещих последствий для всего православного мира, и в том числе для Древней Руси. Но дело, видимо, не только в этом. На мой взгляд, ответ на этот вопрос станет более ясным, если мы рассмотрим описание событий в контексте других сообщений древнерусских летописей.

О чем же сообщают летописи под 1204 г.? Еще Н.М. Карамзин обратил внимание на то, что под 1204 г. в русских летописях часто встречаем описание апокалиптических картин⁹⁹. Действительно, Лаврентьевская летопись рассказывает о зловещих знаменьях – в ту зиму многие страшные явления предвещали бедствия: небо было в огне, снег имел цвет крови, с небес падали звезды, и казалось, что наступила кончина света¹⁰⁰. Софийская первая летопись под 1204 г. (6712) также говорит об апокалиптических знаменьях: “Того же лѣта бысть знамение велие на небеса 3 солнца на востокъ, а 4-е на небеса на западъ, а посреди небеси акы месяцъ великъ, подобен дюзъ”¹⁰¹. Такие же сведения содержатся и в Густынской летописи¹⁰².

Кажется заманчивым на основании летописных цитат предположить, что события в византийской столице в 1204 г. были восприняты в апокалиптическом и эсхатологическом духе, ибо Царьград – “город городов” был, как уже отмечалось, для древнерусских людей вечным городом, *uirbs aeterna*, столицей православия, центром Земли Обетованной и Новым Иерусалимом и представлялся политическим и церковным центром мира. Однако на самом деле в Лаврентьевской летописи нет упоминаний о взятии Царьграда (как нет и в другой известнейшей летописи – Ипатьевской), и рисуемые ею апокалиптические картины скорее лишь фон, на котором разворачивается повествование о взятии Киева князем Рюриком из племени Ростислава Мстиславича и Ольговичами и тех опустошениях, которые произвел грабеж главного древнерусского города. Все происходит во время княжения великого князя Всеволода Юрьевича суздальского. Продолжается междуусобная борьба, в которой принимают участие потомки князя Ярослава. Старая Киевская Русь уже распалась, и на месте прежней единой русской земли, которую соединял род св. Владимира в некое политическое целое, возникли удельные княжества, ведущие между собой войну. Опустошение Киева – одно из последствий этих междуусобиц. Именно на описании Киева и сосредоточены взгляды летописцев. Они рассказывают, какому страшному разграблению подверглась древняя столица Руси, ее церкви и монастыри. Так, Лаврентьевская летопись сообщает: “И створися велико зло в Русьти земли. Такого же зла не было от крещенья под Кыевомъ... и миторполью святую Софью разграбиша и Десятинную святую Богородицу разграбиша и монастыри всѣ и иконы одраша, а иныѣ поимаша и крестъ честныа и ссуды свя-

⁹⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 571. Примеч. 148.

¹⁰⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 419: “Тое же зимы знаменія бысть многи на небеси, едино же отъ нихъ скажем: бысть во едину мощь, в 5 часть ноши, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромом снѣгъ, мнѣти всѣм челоуком зряче, аки кров прольана на снѣгу; и видѣша же нѣци теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мнѣти видящимъ я яко кончину. Знаменье бо въ небеси, или в звѣздахъ, или въ солнци, или въ лунѣ, или етером чимъ, не на добро бывають. Но знаменія сица на зло бывають, или проявляють рати или гладь, или смерти проявляють...”

¹⁰¹ Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 260.

¹⁰² Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 108: “В лѣто 6712. (1204) бысть знамение на небеси: явишася три солнца на востокъ, а четвертое на западъ, а посред неба акы мѣсяць великъ, подобень дюзъ; и стояша та знаменія даже до полудня”.

ценныя и книги...”¹⁰³. Густынская летопись, хотя и упоминает о событиях 1202–1204 гг., но все же более подробно описывает страшное разорение древнерусского города. Она отмечает, что Киев был разграблен князем Рюриком Ростиславовичем и половцами: сожжены собор Св. Софии и многие монастыри, но и были уведены в плен жители города¹⁰⁴. Подробно о распрях между князьями говорит и упоминающая о взятии Царьграда Тверская летопись; она рассказывает не только о взятии Рюриком Киева зимой 1204 г., но и о дальнейших распрях князей – летом 1204 г. в Треполе Рюрик и Роман Галицкий вновь спорят о власти, Роман принуждает Рюрика постричься в монахи, а его детей – Ростислава и Владимира – увозит к себе в Галич. Это причиняет новые огорчения Всеволоду, который в конце концов утверждает на киевском престоле Ростислава¹⁰⁵. Эти рассказы летописцев о бедах Русской земли, намного более пространные и подробные, отчасти затмевают происходящее в Византии. Здесь следует опять напомнить о том, сколь значительное место занимал в воображении древнерусского человека именно Киев. Благодаря ориентации на Константинополь Киев был связан с Иерусалимом¹⁰⁶, и как говорится в Повести временных лет, этот город – “мать городов русских”¹⁰⁷. Восприятие Киева было окрашено в цвета той же символики, которая была обычной для Константинополя, в определенных чертах подражавшего Иерусалиму. Как уже отмечалось, летописцам эта символика древнерусской столицы была хорошо известна. Возможно предположить, что взятие Киева и распри князей было во всяком случае не менее значимым для древнерусских летописцев событием, чем взятие Царьграда. И не только потому, что Киеву наряду с Царьградом приписывалось символическое значение, но и потому, что Русь, раздираемая внутренними противоречиями и междуусобицами, интересуется древнерусского человека не меньше, чем то, что происходит в отдаленной византийской столице. Если принять такое предположение, то более понятной станет позиция новгородца: он смотрит на события глазами древнерусского человека, мерит все меркой русской истории и ищет параллели между

¹⁰³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 418: “И створися велико зло в Русьѣй земли, якого же зла не было отъ крещенья над Кыевом... митрополью святую Софию разграбиша, и Десятинную святую Богородицю разграбиша, и монастырии всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поймаша, и кресты честныя, и ссуды священныя, и книги...”

¹⁰⁴ Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 2003. Стб. 109: “Рюрик Ростиславич съ поганымъ Кончакомъ и Даниломъ (Кобековичи) и со всею силою Половецкою те Олговичи и възътъ Киевъ под Ингавремъ Ярославичем, намѣсником Киева злѣйшее бѣ раче всѣхъ прежнихъ плѣненихъ: не токмо бо пограбиша в немъ обрѣтающаяся тогда, но связаны въ плѣнение поведоша люди, и градъ, и светую Софию, и вся монастыри огнемъ пожгоша...”

¹⁰⁵ Тверской летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 293: “Въйдоша во Треполь Рурикъ з дѣтми, Ростиславомъ, ... и Володимиромъ, и Романъ Галичскій, зять ихъ, и ту хотящие рядъ положить и дѣль створимъ в полону противу трудовъ, (кто) како пострадалъ за Рускую землю, и бысть смятеніе велико, тогда Романъ изима Рурика и з дѣтми, и посла его... въ Киевъ, повелъ его постричи въ чрънци и жену его, свою дочерь, въ черници; а детей его, Ростислава и Володимера, ведя въ Галичъ съ собою, се же слыша князь великій Всеволодъ, еже створися иное зло в Руской земли, печаленъ бѣ о сватѣ и о дѣтехъ его. И посла къ Романови въ Галичъ; онъ же послушавъ его отпусти и зятя его Ростислава и брата его Володимера. Князь же великій Всеволодъ дасть зятю своему Ростиславу опять Киевъ”.

¹⁰⁶ См. об этом: *Stupperich R. Kiev, das zweite Jerusalem // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1935. Т. XII. S. 352.*

¹⁰⁷ Лаврентьевская летопись. Стб. 23: “Се буди градомъ рускимъ”. В этом пассаже просматривается библейская параллель. См.: Гал 4:26 (“А вышній Иерусалимъ свободенъ: онъ – матеръ всемъ намъ”). См. об этом: *Данилевскій И.Н. Повесть временныхъ лет... С. 203.*

византийской и русской историей. Неслучайно для русского писателя одна из причин разгрома Константинополя – ссора императоров и предательская политика верхов по отношению к простому народу. Эта лапидарная формула – “свада цесарев”¹⁰⁸ – часто повторяется на страницах Повести.

На фоне других сообщений летописей картина становится более ясной. Теперь мы можем и ответить на вопросы, поставленные вначале: насколько оригинальной и самобытной была их версия событий? Как воспринимали гибель православной империи и ее подчинение католикам русские современники? Как мы выяснили, автор Повести, содержащий рассказ о взятии Константинополя, повторявшийся затем в ряде летописей, черпал информацию из устной традиции и даже из устных преданий, общался как с фрягами, так, видимо, и с византийским простонародьем, и создал версию событий, на первый взгляд, близкую “ибеллинской”. Но в его рассказе о событиях в далеком Царьграде, где вследствие ссоры императоров пала столица православия, подспудно высказаны мысли и по поводу судьбы русской земли. Изображая византийскую элиту, погрязшую во взаимных распрях, виновной в разыгравшейся трагедии, новгородец предупреждает древнерусских князей. Напомним, что его предостережение прозвучало незадолго до татаро-монгольского нашествия. Этот взгляд на события в Царьграде глазами русского делает памятник оригинальным подобно тому, как точность деталей и подробности делают его уникальным.

Отсюда вытекает и ответ на другой вопрос относительно впечатления, которое произвело на древнерусских современников падение Константинополя. Несомненно, оно не осталось незамеченным, и автор новгородской Повести и другие летописцы, переписывавшие ее, сокрушались по поводу гибели вечного города, но, на мой взгляд, прежде всего стремились извлечь из событий нечто поучительное для Русской земли и предостеречь своих соотечественников об опасностях ссор и раздоров.

Оценивая то или иное событие прошлого, мы часто смотрим на него из нашего исторического далека; историческая память формирует представления, которые играют роль своего рода *idées reçues*, оказывающих мощное влияние на восприятие событий прошлого. Разгром Константинополя громким эхом отозвался в русской истории и культуре, значение этого факта, несомненно, со временем росло и обретало новые смыслы. Об этом эпизоде всемирной истории вспоминали, когда создавали теорию “Москва – третий Рим”¹⁰⁹, а позже разгром Константинополя стал одной из существенных претензий православного мира католической Европе. Но последующее толкование события все же не должно заслонять видения события древнерусскими современниками, а, как мне представляется, оно не воспринималось столь остро и катастрофично, как это видится в ретроспективе. В данной статье мы попытались реконструировать представления современников событий 1204 г. с тем, чтобы показать, как реагировало русское общество на гибель греческой империи в момент взятия Царьграда.

¹⁰⁸ Слово “свада” чрезвычайно многозначно: оно обозначает и ссору, и спор, и раздор. Главный же сьвадитель – дьявол. См.: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1903. Стб. 655.

¹⁰⁹ См. об этом: *Stremoukhoff D.* Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine // *Speculum*. 1953. Vol. XXVIII.N 1. P. 84–108; *Schaeder H.* Moskau, das dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Darmstadt, 1957; *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.